

вилось, насколько нам известно, пайти фракийское поселение римского времени и на территории Мёзии¹.

Затронутые в статье вопросы отнюдь не исчерпывают всех проблем, связанных с историей нижнедунайских племен. Чрезвычайно интересен, например, вопрос о классовом характере романизации, затронутый недавно Н. А. Машкиным², вопрос об обратном влиянии дунайских провинций на Рим и ряд других. Все эти проблемы ждут своего разрешения в первую очередь в работах советских, болгарских и румынских историков.

Г. Златковская

К УСТАНОВЛЕНИЮ ХУРРИТСКОГО ТЕРМИНА ŠARR- || ZARR- В ЗНАЧЕНИИ «СЛУГА, РАБ» ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В хурритских текстах из Богазкея и именах из Нузи (совр. Иорган-Тепе близ Керкука в Ираке) встречается много слов, нарицательных и собственных, имеющих в своем составе корень šar-||šar- или иногда zar(r)-. Это слово употребляется и самостоятельно. Так как по внешнему виду оно звучит одинаково с аккадским šar-и — «царь», то отсюда легко заключили, что хурритское слово — того же значения и заимствовано из семитического³. Правда, были и сторонники хурритского происхождения этого слова, как, например, Вейднер, Густав, П. Пурвес и др., но и они не уточняли его значения проверкой на всех примерах. В сравнительно недавно открытом (в 1931 г.) шумеро-хурритском словаре из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра в Северной Сирии) в качестве соответствия шумерскому nam-gar-га приведено хурритское šar-gi (кол. III, 34); в других случаях это шумерское слово заменяется обыкновенно nam-gi или nam-га, что является синонимом аккадского šallatum — «уводимое из покоренных городов население». Другие же переводят шумерское nam-га через «пленный, раб, колон»⁴.

В богазкейских текстах для нашего šarri||šar (КUB XXV и XXVII) имеются следующие образования: šarri, šarrena (мн. ч.), šarribi, šarribina, šarriṇibi, šarṭa, šarraš, šarrašti, šarrašihinibi, šarrašihinibiniš, šarraššibinašuš, šarrašihinibinašuš и т. д. и одно собственное мужское имя Šarkabšarri (в одном старохурритском тексте)⁵.

В нузийских же таблицах на аккадском языке даются только собственные имена, как Šartešur, Šartilla, Šarmuli (Šarramuli), Šarmušti..., или с обратной расстановкой — Tešuršar, Tillašar, Pašar, Akipšar, Enšaru, Ewirišarri и пр. и пр.

Мне думается, что перевод встречающегося во всех этих собственных и нарицательных словах элемента šarri или šar через «слуга, раб» вполне подходит. Например, Šartešur «раб бога Тешупа», Šartilla «раб бога Тилла», Tešuršar «Тешупа раб», Tillašar «Тиллы раб» и т. п. Точно так же Enšaru «бога раб», Ewrišar «господина (царя) раб», Pašar «фавна раб» (ср. арм. pař «пан, фавн»), Dur-šar (ср. урарт. Sar-

¹ Недавно опубликованные Лидией Богушаровой материалы раскопок фракийского святилища при с. Дюлево («Годишник на Археологически музей Пловдив», кн. I, 1948, стр. 49—56) относятся ко времени поздней империи и потому не могут быть использованы в настоящей статье.

² Н. А. М а ш к и н, История Римской империи, М., 1949, стр. 4.

³ См. «Nuzi personal names», Chicago, 1943, стр. 251 (лист. П. Пурвеса).

⁴ См. A G ö t z e, Die Annalen des Muššiliš, Lpz., 1933, стр. 228.

⁵ См. J. F r i e d r i c h, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, 1932, стр. 35.

dur) «стены служитель», т. е. служитель храма, подобно акк. Dur-ili-šu «стена бога его», Ahlipšar «рода моего слуга» и т. д. Эта теофорная опомастика в сочетании со словом «раб» встречается и у других древних народов, как, например, у ассиро-вавилонян: Waradtašmetu «раб бога Т.», Waradkubi «раб (подземного бога) Куби», Warad-duri «слуга стены», Wardištār «слуга (раб) (богини) Иштар», Urdidiglat «слуга (раб) реки Тигр» и т. п. У касситов Meleşipak || Mele-^dMarduk, Mele-^dSiharra, Meleşah «слуга Солнца», Mele-Šugab «слуга бога Шугаба (= Нергала)» и пр., где слово mele значит «слуга»¹.

В богазнейских хурритских текстах есть также формы šarrinaša, šarriuša, šarrinašta и пр., перед которыми стоит знак «бог», что признается многими за детерминатив и как будто подтверждает аккадское происхождение хурритского šarr- в значении «царь». Мне же кажется, что этот знак «бог» скорее является идеограммой и, следовательно, эти формы нужно понять как «бог служения» или «бог служитель». Ведь такую роль служанок играли богини Нината и Кулита в отношении хурритской (субарийской) Иштар, т. е. Хепит или Шаушка из городов Хаттарина, Кулиушна, Анкува, Таменика (КUB XXVIII, 1'—46', 48'—50'). К этому я бы прибавил и следующую фразу из одного старо-хурритского текста: «au ^dḪidam ewerne lutilāe ^dKumarweneš šarra «смотри на бога Хидам, владельца преисподни (?), Кумарнского слугу»²; Кумарпи, как известно, является главным богом этого подземелья у хурритов (по образованию ср. имя другого бога Напарпи).

Есть графические данные, которые говорят о том, что в пространстве к югу от исторического Урарту, а именно на территориях вокруг современного Чагар-базара (к югу от Мардина), древнего Митании (бассейн р. Хабур), северной Сирии и пр., хурритское šar-gi звучало zag-gi, не говоря уже о том, что идиообразный знак для «šar» мог произноситься и «zar». Например, в письме митанийского царя Тупратты, посланном египетскому фараону Аменхотепу III, мы читаем: «И твой брат Ниммуриа, египетский царь, статую большую сделал и в город Ихисени, город бога Шимиги, он прибыл и для Шимиги, своего бога, своего отца, он доставил. Из отцовских же даров все эти статуи (taše)³, очень и очень красивые, и со служителем (zag-ga-mān) твоего брата в (свою) страну на показ (šiuši ?!) эту статую он отправил...» (I, 84'—90', перевод мой). Здесь форма zag- вместо ожидаемого zag-, имеет окончание комитативного (Comitativus) падежа на -га, показывающего совместность («вместе с, со, с»), так что написание zag-га может отражать и ожидаемое zag-га. В текстах из Чагар-базара имеется вместо слов с š написание их через z. Наконец, в алфавитных надписях из древнего Угарита z (z) встречается там, где syllабическая клинопись дает š, например, ³Ewzr || Ewrišarri, Zmgnd || Šimiginidi (направ. падеж от имени бога Šimigi) и т. д.

Имея все это в виду, можно смело принять такое же произношение zag или zag и у хурритов на верховьях реки Тигр, там, где в горных районах Арме или Ариве (вокруг позднего Ангелены, севернее совр. Дيارбекира) и Шуприа (вокруг совр. Муфаркина) продолжали сохраняться последние хурриты-субариты (шуприты). Последние с VII в. до н. э. начали смешиваться с пришлыми хаями (совр. армянами) из Хайаса-Аззи (на верхнем Евфрате, совр. Карасу) и тем самым передали им и много хурритских слов, в том числе и интересующее нас слово zaggi. В этом слове применялось два клинописных знака, один для zag, а другой для gi. Последний мог выражать и один лишь согласный, так как в клинописи нет другого способа передачи обыкновенного согласного, а знак zag в обыкновенной аккадской графике заменяет также чтение šar, подобно тому, как имеются знаки, обозначающие gaz || gaš, zip || šip, zur || šur, za || ša

¹ Ср. и у поздних арабов — Абдуллах, Абдалмелек, Абдул-мессия и т. п., где «абд» значит «раб».

² J. F r i e d r i c h, ук. соч., стр. 35. Перевод приведенного отрывка (строки 20'—21') мой. Вместо «Кумарнского слугу» лучше было бы сказать «(что) Кумарнский слуга».

³ См. Гр. К а п а н ц я н, Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии, Ереван, 1918, стр. 23—25.

и т. п. Так что *zag-gi* могло передать и произношение *ṣarri*, т. е. *ṣarṣ*. Это *ṣarṣ* передалось армянам в форме *ṣar-a* (*ṣarai-a*) — «слуга, раб» с наростом в конце гласного «а», вероятно, под арамейским (сирийским) влиянием. Такое же соответствие клинописного *ṣ* армянскому *с* (= *ts*, близко к русскому *ц*, но без придыхания) мы видим и в следующих примерах: урарт. *ṣue* «море, озеро» = арм. *ṣov* (и груз. *zṣue*) «море», урарт. *ṣarṣi* (*zarṣi*) «дерево» = арм. *ṣarṣ* «дерево» и т. д., тогда как хурр. *ṣ* передается армянским *с*, например, хурр. *aṣti* «женщина, жена» при арм. *ast-em* «женюсь», урарт. *Tuṣra* при арм. *Tosr* (район совр. Вапа), урарт. *ṣani* «котел» при арм. *san* с тем же значением. В других случаях, между прочим, клинописное *z* передается армянским *ձ* (= *tš*, что близко к русскому *ч*, без выдоха). Нужно заметить также, что хурритское двойное *gg* слова *ṣarṣ-g* (*zagṣ-g*) передано в армянском одним твердым (рокочущим) *ի* (не нужно смешивать ни с двойным *gg*, ни с одним простым, «мягким», *g*), что в армянском равно отражается на значении, например, *taṣ* «буква» при *tar* «унеси» (но *tarṣtarar* «стихия»), *beṣ* «ягода» при *ber* «принеси» (но *berri* «плодородный») и т. п.

Клинописное *ṣarṣ-g* в армянском представлено через *ṣar-a*, а *zagṣ* могло дать и арм. **ṣaga*, чего, однако, нет на самом деле; зато его «окающая» форма представлена в западногрузинской языковой группе, а именно в мегрельском, в форме *ṣkori* «раб» (из первоначального **ṣor*). Эта общегрузинская тенденция фонетического развития первоначального «*ṣ*» в новые *ṣk*, *ṣk̄*; *ṣ-* в новые *ṣk*, *ṣk̄*; *с* (= русск. *ц*) — в новые *ck* (= *ckh*), *сх.č* (= русск. *ч*) — в новые *čk*, *čx*; *j* (русск. *дз*) — в новое *jṣ*; *j* (= русск. *дж*) — в новое *jṣ* и пр. развилась очень давно, задолго до V в. н. э., когда у грузин появилась письменность.

Армяне того же V в. сохранили корни, родственные с грузинскими, уже без этих «децессивных рядов» (так называет их проф. Г. Ахвледиани), например, при груз. *ṣkali* и мегр. *ṣkari* «вода» армяне имеют более старое *ṣar-aw* «жаждущий пить»¹, при груз. *zṣue* — «море» имеем урарт. *ṣue* и арм. *ṣov*, при груз. *jṣon* «подарок» — арм. *jon* (id.), при груз. *ṣavla* «учить» — арм. *ṣovorel*, диал. *ṣavrel* > *ṣarvel* (id.) и т. д.

Наконец, мегрельское *ṣkori* «раб» (ср. также фамилию *Gegeṣkori* — «раб св. Георгия» и *raton ṣkorala* «крепостничество») для своего старого вида **ṣor* имеет поддержку и в армянском слове *ṣort* (с суфф. *-t*) «прислуживающий мальчик, слуга», а позже и «крепостной крестьянин», письменно засвидетельствованном с X в. Быть может, это слово заимствовано было в связи с институтом крепостничества из грузинского языка, где слово *ṣorti*, в письменности раньше также не засвидетельствованное, значит «крепостной с отрезанным ухом» (по лексикографу С. Сулхан-Орбелиани), «каменная статуя, камень холма» (по Чуб.).

Мегрельское **ṣor*, как старая форма, может отражать и более старое **ṣorṣ* соответственно хурр. *ṣarṣ* или *zagṣ-*, ибо, как известно, грузинская языковая группа с древних времен, подобно армянскому и урартскому, не терпит двойных согласных (*consonne géminée*). И сейчас даже такие слова, как коммунист, масса, *ṣabba* и пр., пишутся и произносятся у грузин коммунист, маса, *ṣаба*, и т. д. Даже там, где морфологически требуется совместность одного согласного, т. е. двойной согласный, и тут также звучание упрощается, как, например, в слове *ṣameti* «тринадцать» из *at^c* «десять» + *sami* «три» + *meti* «больше».

Спрашивается, какими же путями хурр. *ṣarṣ-g* или *zagṣ-g* перешло к мегрельцам в форме **ṣor* или **ṣorṣ*, а возможно, и к армянам и грузинам в форме *ṣort*, если, конечно, в последнем примере *-t* является суффиксом. Тут могло быть два пути: либо через армян с юга, либо же через урартские племена до армянского освоения исторического Урарту. Посредство армянского языка маловероятно, ибо арм. слово *ṣara* «слуга, раб», не представлено своим конечным гласным в этом мегрельском **ṣor* или **ṣorṣ*. Хотя шипящее («чокающее») произношение в армянских южных районах также могло быть, например, *ṣawaket^c* «дитя» женского пола (с семитическим *-et^c* для женских имен?) при обыкновенном арм. *zawak* «дитя» (без отношения к полу),

¹ С суфф. *-aw*, подобно *xon-aw* — «сырой», имя села *Ordṣaw* «Червивый» от *ordṣ* «червь», имя горы *Sukaw* от *sunk* «гриб» и пр.

но это, во-первых, очень редко встречается, а во-вторых, «обающая» форма мегрельского языка не может быть доказана на основании армянского языка. Можно было бы допустить, что в восточной (картской) группе у грузин когда-то была форма *сар «раб», давшая закономерно мегрельское *џог, как, например, карт. *kası* «человек» = мегр. *koŋi*, карт. *jaŋi* «собака» = мегр. *joŋoŋi*, карт. *sulı* «душа» = мегр. *ŋıŋi* и пр. Но это будет пока голым предположением, ибо у грузин-картов есть только *mona* «раб» неизвестного происхождения. Вопрос о посредстве официального урартского языка также отпадает, ибо для понятия «слуга, раб» в урартском существует только слово *buŋa* или *ruŋa* (оставляя в стороне сомнительное *wedia*)¹.

Мне думается, что мегрелы с лазами, или, как их сейчас называют, «заны», непосредственно переняли слово *џог(г) «раб» от халдаев, или, точнее, халдов, которые за несколько веков до нашей эры передвинулись с пространства к западу от Ванского озера к современному Эрзеруму, где имеется село *Kaŋdariŋ* (из арм. *Xaldariŋ* — «Халдово поселение»), и далее к берегам Черного моря в современную Лазикку («Халдию»). Подобное же передвижение с юга на север мы видим у хайо-армянов в VI—III вв. до н. э., и у алародов в сторону современной Араратской и Алашкертской долин, и у мосхов по долине реки Чорох и др. Греческое написание *xaldai* —oi отражает семитическое *xald-ai* «халд, халдянин, халдец» с семитическим суффиксом -ai для этнического происхождения, как *kossai*-oi, *ortai*-oi, *korduai*-oi и пр. с прибавлением греч. -oi для множ. числа. Слова *xaldai*, *aŋŋurai* и пр. могли обозначать вообще «халдочителя», «ассурочителя» и пр., т. е. любого разноязычного полаганного Урарту или Ассирии, которые признавали бы своим верховным божеством Халда и Ашшура. Даже сейчас к северу от Счерда есть более двух десятков курдских сел под общим названием Халдаи. Несомненно, что и лазские халдаи были не урартцами в собственном смысле этого слова, а представителями особых племен, видимо, с примесью хурро-урартских, а может быть, и семитических языковых элементов. В их языке могли бытовать как раз слова вроде *џог*, которые и передались занам (чано-мегрелам)

В этой связи я хотел бы обратить внимание и на возможное сходство между мегр. *paŋa* «обрыв» (с суфф.-ala, например, *kaxaxala*, *ŋokala* и т. д.) и хурр. *paŋ* «гора» при урартском *baba* «гора», арм. *baba* «холм» (у арм. лексикографа Еремии Мегрянского), *paŋb* «возвышенное место» (у арм. историка Матфея Едесского), название горы Памп (откуда совр. Памбак и Памбакское ущелье), село Пашен (на склоне Битлисского ущелья) и пр. Затем мегрельское *seri* «вечер» со своеобразным частым изменением старого l на новое r, возможно, стоит в связи с урартским (resp. халдским) словом *šel* «ночь» (ср. урарт. *ŋelardi* «луна» собств. «ночное светило»), Наконец, груз. *ŋirano* «круг» (орбита вокруг луны), мегрельским («чочающим») своим видом вместе с древнеармянским *ŋirani* «багряно-красный, фиолетовый, сирий» (откуда и одежда такого цвета) являются реликтом хурр. ^d*Tiranna* «радуга»², заимствованного из шумерского *Tiranna*, при урартском обожествленном *Tirani*. Звукопереход *t > ɕ* или *t > ɟ* нормален в грузинском и армянском. Я не говорю уже о семитических словах (аккад.) в подобных же передачах и одипаковых звуковых соответствиях, подобно арм. *ŋah-ic* или *ŋax-in* «болото», груз. *ŋa(h)oba* и акк. *zaŋu*-(id.) или, например, груз. *ŋexa*, мегр. *ŋexa* и арм. *ŋepŋ-el* «давить» при акк. *ŋapaku* «давить, прижимать» и т. д.

Более того, в мегрельском сохранились легенды, в которых имена героев звучат совсем не по-кавказски или грузински, а идут из хурро-урартского мира. Например,

¹ Значение *buŋa* «раб» впервые было установлено мною на основании обычного выражения *Luburaštubi* в контексте с *ERU-aštubi* — «служгой сделал, я поработил» в Нор-Баязетской надписи царя Русы (Гр. К а п а н ц я н, Клин. надп. из Нор-Баязета, Ереван, 1930, стр. 17). Независимо от меня то же самое установил и J. F r i e d r i c h «Caucasica», вып. 8, 1931, стр. 15.

² В хурр. было и мужское имя *Artešur* «дар (бога) радуги», см. NPN, 267.

в одной легенде говорится о боге Ant'ari-žini. Для этимологии первой части имени этого бога И. Кипшидзе¹ привел следующие слова: груз. antari «обезьяна», араб. aḏr «избранный, самый предпочитаемый», абхазские aḏ'ari «бог покровитель скота и хutorского хозяйства» или aḏ'a, aḏ'wa «бог». Вторую же часть žini И. Кипшидзе отождествляет с мегрельским žini «верхний», хотя против этого, по-моему, говорит то обстоятельство, что это прилагательное всегда предшествует определяемому существительному, как, например, — žini bogia «верхний ветер», žiniši Ort'a (назв. села), žino-skua «благородный», žin-malu «высоко летающий» (ястреб). Тут, по-моему, неправильны этимологии обоих компонентов. Все это имя бога Ant'ari-žini целиком идет с юга. Так, например, при ассирийском царе Адад-Нирара I (1310—1280) упоминается, как эпоним, некий Andari-sini. Для первого компонента имеются параллели в хурритском: Antare, Antarati, женск. имя. Andareše², и урартском: Andaria (имя правителя при ассирийском царе Ашшурбанипале). Второй компонент žini имени мегрельского бога Ant'ari-žini я вижу не только в упомянутом имени Andari-sina, но и в многочисленных хурритских именах из Нузи, как Pašina, Paizana, Putpazini, Bir(i)azina, Uttazina, Ambizina и др., к которым я бы присоединил и имя этиунского царя Diužini из рода Игани (^IIganiehi), встречающееся в летописи урартского царя Сурдура³, где ошибочно стоит I-ū-ni-e-ḫi. Этот компонент -žina (-žini) или -zina (-zini), как, вероятно, и имя диаухского царя Sini (XII в. до н. э. при Тиглатпилесере I), несомненно, звучало žina или žini, что и отразилось в имени мегрельского Ant'ari-žini, народно этимологизируемого с мегр. ži (= груз. zə «наверх»), žini «верхний», žiše «сверху». В Армении (в Сюнии) встречается топонимическое Ağažin, происшедшее, видимо, из имени бога Ağa и того же слова žin («герой» или «бог»?!).

Вторая мегрельская легенда касается некоего героя Арам-хуту (Эрам-хуту), известного своими смелыми набегами на мегрельское село Джвари Зугдидского района (см. у Кипшидзе, стр. 196). Хотя и в этом имени Арам-хуту хотят видеть мегрельское местное начало, имея в виду личное имя Хету или Хуту (а отсюда и имя села Хетуш-мухури или Хутуш-мухури), тем не менее мне кажется, что обе части этого имени Арам-хуту — южного происхождения и привнесены халдами из Урарту. Общеизвестен урартский царь Араме, упорный соперник ассирийского царя Салманасара III, жившего в IX в. Об Араме сохранились легенды и у армян, у Моисея Хоренского, который даже имя армян производит от него. Слово же *хуту* «властелин» также известно в урартском. Например, в военной надписи Аргишти I на ванской («Хорхорской») скале встречается термин *ḫutuḫe* «владычество».

Таким образом, некие племена, пришедшие с юга (хурри-субари, урарту) и почитавшие бога Халда, могли принести занам (чано-мегрелам) на берегу Черного моря разные свои легенды, из которых две — об Аншара-жии и Арам-хуту — сохранились до сих пор, хотя, разумеется, с большими изменениями.

Эти исторические легенды, как и определенный лексический материал, который следует проследить и дальше, дают нам твердую уверенность, что мегрельское *šogī* (из **šogī*) «раб» вместе с армянским *sa'a* «слуга, раб», а возможно, и арм.-груз. *šort* «прислужник, крепостной крестьянин», вполне подтверждают, что хурритское слово *šar-g-* (*šar*) или *zar-g-* (*zar*) имело значение «раб, колон», как это видно из сопоставления шумерского *nam-gar-ḡa* с хурритским *šar-ḡi*.

Акад. Гр. Капанцян

¹ И. К и п ш и д з е, Грамматика иверского языка, СПб., 1914, стр. 194—195.

² «Nuzi personal names», стр. 201.

³ Н. М а р р и И. О р б е л и, Арх. эксп. 1916 г. в Ван, Птг., 1922, стр. 47, кол. II, стк. 51.